

Научная статья
УДК 821.161.1.0
doi: 10.17223/15617793/516/6

Проблемы комментирования восприятия современниками «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846–1847). Статья вторая

Екатерина Геннадьевна Падерина¹

¹ Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, kbogan@yandex.ru

Аннотация. Жесткая реакция современников на появление в январе 1847 г. «Выбранных мест из переписки с друзьями», споры по поводу книги и обсуждение личных качеств писателя в 1846–1847 гг. до сих пор описывались схематично, не привлекая всех документальных данных. Предлагаемая статья продолжает обзор обойденной научным вниманием и сложной для комментирования разноголосицы предвзятых отзывов и мнений о книге. Анализ подробностей приводит к выводу, что иного эффекта столь сложная для восприятия книга произвести не могла.

Ключевые слова: Гоголь, «Выбранные места из переписки с друзьями», восприятие современников, субъективизм мнений, динамика оценок, Аксаковы, Сербеевы, Н.М. Языков, С.П. Шевырев, комментирование

Для цитирования: Падерина Е.Г. Проблемы комментирования восприятия современниками «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846–1847). Статья вторая // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 51–57. doi: 10.17223/15617793/516/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/6

Problems of commenting on the perception of *Selected Passages from Correspondence with Friends* by contemporaries (1846–1847). Article II

Ekaterina G. Paderina¹

¹ A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, kbogan@yandex.ru

Abstract. It is widely known that the publication of *Selected Passages from Correspondence with Friends* caused an incredible uproar in society, and Gogol was met with a wave of negative assessments and personal criticisms directed at him both as an author and as an individual. Gogol's contemporaries in 1847 were already attempting to understand the reasons for the ensuing scandal, and the questions of who was to blame for what happened and who was right in the dispute over the book are still posed by commentators to this day. The traditional evaluative approach has led to a simplified and schematic understanding of the situation, which remains insufficiently researched. The full scope of documentary data on the contemporary reception of *Selected Passages...* has not been brought to bear in analysis, yet it reveals a different picture. An overview of the important and complex details of the readerly situation of 1846–1847, which are difficult to comment on, is presented in two articles on the same topic. The first article analyzed the pre-print period of discussion surrounding Gogol's book and presented data on the variety of rumors, speculations, and biased opinions, as well as the sources of this bias and the factors influencing the subsequent reading of the book. The second article demonstrates another quality of the "turmoil" surrounding the book, which raised pressing and painful questions of the time: heightened emotionality led to a situation where many contemporaries not only failed to understand Gogol's statements but also regarded each other's judgments about the book with prejudice. Special attention is paid to the concept of "bias". The author points out the necessity of distinguishing its modern and historical semantic content, and notes its vagueness in this specific case, given the book's unique genre, which expresses the most diverse aspects of Gogol's worldview and convictions. The author of the article insists on the impossibility of a typological description of the reactions of the first readers and critics, as both among those who rejected the book and its author and those who positively assessed Gogol's statement were people of different generations, convictions, literary tastes, worldviews, and attitudes towards God, faith, and the church. Examples confirming this are examined in accordance with the different thematic vectors of *Selected Passages from Correspondence with Friends* – Gogol's religious worldview and his attitude towards the church, his literary-critical views, his social and everyday understanding of one's "calling," etc. What unites almost all readers and critics is only a vivid personal experience: the book became a stumbling block and a life event for those who read it and for those who judged it by hearsay, raising questions – about the author, about life, and about themselves.

Keywords: Gogol, "Selected Passages from Correspondence with Friends", perception of contemporaries, subjectivity of opinions, dynamics of assessments, Aksakovs, Sverbeevs, N.M. Yazykov, S.P. Shevyrev, commenting

For citation: Paderina, E.G. (2025) Problems of commenting on the perception of *Selected Passages from Correspondence with Friends* by contemporaries (1846–1847). Article II. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 51–57. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/6

Погружение в подробности бурного обсуждения современниками «Выбранных мест...» Гоголя позволяет признать имеющиеся описания схематичными и упрощенными, и взамен установившейся традиции оценивать мнения как верные или неверные предложить рассматривать разнообразные отзывы и суждения, различая два этапа – до выхода книги из печати и после прочтения опубликованной книги. Однако приближая нас к более объективному представлению о скандальной, по сути, ситуации 1846–1847 гг., такую установку непросто реализовать в комментарии к ней.

К рассмотренным в первой статье сложным конфигурациям фактов, отражающих разнообразные предубеждения допечатного периода рецепции, прибавим еще одну особенность. Речь идет о частичном наложении отрицательных и положительных мнений о непрочитанной, по сути, книге. К примеру, совпадение в предубеждении по поводу потери Гоголя «Переписки с друзьями» для искусства в суждениях А.О. Смирновой и Аксаковых (за исключением Ивана Сергеевича). 10 декабря 1846 г. Смирнова написала Плетневу по поводу протеста Аксаковых против печатания книги: «Что есть странности за Гоголем, знаем мы это и знали и они, но пока он их забавлял, все ему прощалось, а теперь пойдут опять глупые нападки. Что Гоголь для нас пропал в смысле чисто-изящном, это я предвидела давно; не менее того он останется высоким явлением в истории литературы нашего времени и обличителем эпохи своей» (здесь и далее курсив наш. – Е.П.) [1. С. 965–966]. Заметим, что по сути – она была согласна с тем самым мифом, который распространился загодя с легкой руки Никитенко, напугал Аксаковых, а по выходе книги стал притчей во языцех. Между тем мнение Смирновой сформировалось под влиянием иных факторов, нежели те, что мы разобрали в первой статье, и с этим еще только предстоит разобраться.

Важным условием объективного комментирования скандальных обстоятельств 1846 г. является внимание к тому факту, что не все, даже находящиеся в гуще поднявшегося в этом кругу шума и первых зашкаливающих эмоций по выходе книги, поддались общему настрою и восприняли ее как повод высказать и/или как-то выказать накопившееся недовольство Гоголем или тревоги о его писательской судьбе. Свербеева, в частности, хотя и написала Гоголю (20 января 1847 г.) о «грустном впечатлении» от книги (см.: [2. С. 524]), вовсе не была солидарна с мужем¹, да и с общим «гвалтом», так сказать. В упомянутом выше письме к Попову она писала, кроме прочего: «Это отвратительно – признаюсь Вам, не могу я хладнокровно все это выслушивать. Как жалки люди, как жадно ловят они всякую возможность осмеять, опорочить талант. Как гадко радуются возможности падения всякой знаменитости. Павлов от этого не вырастет ни на волос – что же за отвратительная суетливость. Жалкие люди!» [4. С. 702]. А судя по ее письму к Попову от 22 марта того

же года, и он тоже сразу занял отличную от большинства позицию: «Как я рада, что мы с Вами одни в нем (Гоголе. – Е.П.) не обманулись, не сомневаясь. Все другие отчаялись и жестоко поступили с ним – совсем не по-дружески. Позвольте мне послать Ваше письмо к нему о его книге – оно его утешит – дайте его напечатать» [4. С. 701–702, примеч. 1]. В то же время именно Попов и непосредственно через Екатерину Александровну еще в начале августа 1846 г. запустил (невольно, судя по всему) в московские литературные и «дружеские» Гоголю круги первые тревожные слухи о готовящейся в Петербурге книге, бросив, фигурально выражаясь, тот снежок, что к декабрю стал большим снежным комом толков и пересудов и образовал общую, но разнообразную предвзятость ее восприятия по выходе.

Осложняет комментирование не только переизбыток подробностей, но и недостаток. О мнениях и суждениях некоторых современников нам известно с чужих слов, порой вызывающих сомнение в связи с возбуждением, охватившем «публику», «друзей» и «врагов» Гоголя, так что совсем непросто было спокойно и раздумчиво отнестись не только к «Переписке», но к мнениям о ней близких и далеких окружающих.

Начнем с изустных мнений. Так, в отличие от задокументированного внутрисемейного несогласия Аксаковых и Свербеевых, как будто отрицательное мнение Н.М. Языкова комментаторы до сих пор упоминают, опираясь на слухи. Источником является письмо Свербеевой Гоголю от 20 января 1847 г., в котором она пишет о только-только просмотренной книге и о тяжелой утрате – смерти в декабре Языкова, и сообщает: «Языков последнее время жизни много думал о вас и сердечная тревога о вашем душевном состоянии не оставляла его. Не дожидаясь он до вашей книги, но преждевременно заботился о ней и боялся ее появления» [2. С. 524–525]. Заметим, что и в волнении обстоятельств Свербеева не приписывает Языкову – волею судеб не увидевшему книгу в глаза, знавшему о ней не более, чем она и остальные – ничего более, чем тревожное ожидание. Но Шенрок придал этому сообщению статус свидетельства об отрицательном отношении поэта к «новому направлению» гоголевского творчества и его книге: «Вот новое доказательство, что близкие люди еще в 1843 г. стали что-то замечать в Гоголе. Любопытно также как ошибался Гоголь, надеясь на сочувствие его книге со стороны Языкова» [2. С. 524–525; примеч. 1]. Практически все гоголеведы, упоминавшие о мнении Языкова по поводу ожидаемой книги, следовали за Шенроком; на его вывод ссылаются и Л.Р. Ланский, комментируя публикуемые извлечения из писем Свербеевой по поводу «Выбранных мест...» [4. С. 686]. Между тем близость взглядов, известная по двусторонней переписке, искренняя благодарность Языкова Гоголю за его советы художника-христианина, высокая оценка гоголевской статьи об «Одиссее» свидетельствуют не в пользу версии Шенрока.

Сомнение вызывают и «свидетельства» Аксаковых о как будто негативном первоначальном (весной 1847 г.) отношении к книге Шевырева. 14 января отец писал Ивану Сергеевичу Аксакову: «Шевырев даже хочет напечатать беспощадный разбор его (Гоголя. — Е.П.) книги» [5. С. 166], а Ольга Семеновна вторила, разумеется: «Шевырев хочет отвечать печатно; он сильно раздражен» [4. С. 698; примеч. 2]. Однако старший Аксаков исходил из уверенности, «что вся Россия даст ему (Гоголю. — Е.П.) публичную оплеуху» [5. С. 167], и его долго не покидало ощущение естественной всеобщей солидарности в отрицании книги: «Мы все собираемся писать к Гоголю, более или менее в одинаковом смысле» [5. С. 166]. Еще осенью 1846 г., обращаясь к Плетневу с призывом не печатать «Переписку», Аксаков был уверен в солидарном мнении последнего и иного не предполагал. На сообщение Аксаковых опирался в этом вопросе даже Н.П. Барсуков, глубоко сочувственно воспринявший «Переписку с друзьями». Он считал, что от печатного выражения своего возмущения Шевырев «был удержан» письмом к нему Вяземского с мнением о книге, известным по статье («Языков и Гоголь»), вышедшей месяцем позже [6. С. 558]. Но Вяземский лишь 26 марта 1847 г. написал Шевыреву, который и до этого не только сознательно удерживался от преждевременных заявлений, но и предпринимал тщетные попытки развеять преждевременные тревоги московских друзей. Да и письма Шевырева к Гоголю как в период подготовки книги к печати осенью 1846 г., так и в период общего шума весной 1847 г. никаких признаков отрицательного отношения, не говоря о возмущении, — не содержат, а его переписка с Плетневым весной 1847 г. свидетельствует о солидарном в целом отношении к «Выбранным местам...».

О специфическом восприятии мнений несогласных, порождавшем разные недоразумения, писала сестре в Петербург 7 марта В.С. Аксакова: «Попов, между прочим защищает несколько Гоголя, но здесь *на него все напали*. Хомяков, впрочем, тоже защищает, но *ему мало верят; всякий думает, что он шутит*» [4. С. 700]. Характерно также восприятие старшим Аксаковым мнения о «Переписке» митрополита московского Филарета (Дроздова): «Филарет сказал, что хотя Гоголь во многом заблуждается, но надобно радоваться его христианскому направлению. *Понятно, что ничего другого он сказать не может*» [5. С. 168]).

Не удивительно, что подобные недоразумения сопровождали и восприятие печатных рецензий, а также развернувшихся по их поводу в печати дискуссий. В частности, это относится к отзыву Белинского, открытым письмам Н.Ф. Павлова, статье Вяземского, и откликам на них.

Печатные отзывы требуют отдельного и подробного обсуждения. Скажем только несколько слов по поводу жанра. Совсем не все из известных откликов в печати можно квалифицировать как рецензии, т.е. высказывания компетентных наблюдателей о достоинствах и/или недостатках книги, о произведенном ей общим впечатлении и итоговой оценке. На это, как из-

вестно, сетовал и сам Гоголь в первых же строках <Авторской исповеди> [7; 8. С. 432–433]. Так, «письма» Павлова совсем не вписываются в нормы журнальной критики, в которой эпистолярный компонент если вводится, то относится к риторическому оформлению. Первое павловское письмо (оно появилось в «Московских ведомостях» 6 марта) — личное обращение к писателю со своими мыслям и рассуждениями на определенные темы, особенно живо и глубоко задевшие писавшего, в нем очевидна эмоционально-психологическая нагруженность формулировок и тезисов, а модальность вовсе не так однозначна, как показалось Аксаковым, В.П. Боткину, Белинскому и др., посчитавшим попытку вступить в диалог с Гоголем на совсем не простые темы — ловким и остроумным (или злым) приемом обличения (см., напр.: [4. С. 700–702]). Можно сказать, что Павлов на себе прочувствовал опыт Гоголя, часто непонимаемого «хвалителями» не меньше, чем «хулителями», и не зря Свербеева 22 марта отметила: «Павлов, своими громами вооруженный, для меня кажется очень сам напуган своим громким голосом и как будто стыдится, что заговорил или, лучше, выкрикнул так громко, а голосу-то и не хватит, мне кажется, у червячка. Пускай же и накажется за громадность своего предприятия. Хотел было поднять скалу на Гоголя, а скала рушится на нем, мне так это видится» [4. С. 702]. Не является буквально рецензией и статья Вяземского, опровергающая мифы и домыслы о содержании книги и защищающая право автора на выбор литературной формы. Напротив, Булгарин в «Северной Пчеле» от 11 января (№ 8) выдержал условия жанра, включая подробную поглавную презентацию книги, указание на пропущенные главы и другие подобные свидетельства того, что «Переписка с друзьями» была им уже внимательно прочитана, не задев ничем. Такого спокойствия почти никому не удалось сохранить.

Номинальный обзор печатных отзывов без взвешенного предварительного анализа субъективных привходящих факторов, отразившихся в конкретных высказываниях в печати, слишком схематично представляет реальность 1847 г. и не позволяет в полной мере оценить и гоголевские отзывы об этом в личных письмах и в <Авторской исповеди>.

Требует рефлексии и понятийный фонд комментирования той давней ситуации, а именно определение «предвзятость». Кажется, что указание комментатора на предвзятое восприятие правдоподобно объясняет непонимание и неприятие современниками «Выбранных мест...». Но на деле это ничего не объясняет, поскольку историография вопроса показывает, что в течение долгого времени предвзятыми и предубежденными признавались мнения то «хвалителей», то «ругателей» (по выражению С.Т. Аксакова [5. С. 166–167]) позднего Гоголя и его книги. Напомним, в частности, ссылки комментаторов и интерпретаторов на привходящие «реакционные» взгляды Плетнева, Вяземского, на «реакционно-мистические настроения» Жуковского, Виельгорских, а с другой стороны — на предубеждения славянофилов или, напротив, западников и лично Белинского или Герцена.

Само слово «предвзятость», как и его частый путчик (в определенных контекстах синоним) – «предубеждение»², принято употреблять с негативными коннотациями. По изысканиям В.В. Виноградова, такая традиция сложилась именно в 1840–1850-е гг. [8. С. 534–536]. Но в середине 1840-х гг. еще требовалось уточнение: описывая в письмах к Гоголю реакцию публики, Шевырев, например, использовал выражение – «с предубеждением *против нее*» [10. С. 331], а Россет – «с чувством предубеждения *к хорошему*» [2. С. 546]. И если, говоря о предвзятости или предубеждении, учитывать исходное и буквальное значение того и другого слова, надо признать, что мы всего лишь указываем на наличие в опыте реципиента определенных взглядов и убеждений, причем с двумя компонентами (не обязательно осознанными) – в отношении к субъекту высказывания и к содержанию высказанного.

А поскольку речь идет о восприятии такой книги, в которой в обнаженной форме читателю предъявлено авторское представление о мироустройстве, о современных проблемах человека и соотечественника, о себе и творчестве, о путях спасения каждого и России в целом и т.п., следует учесть, что вряд ли ее может воспринять с относительным пониманием и оценить критически (неважно, с плюсом или с минусом) человек без сложившихся собственных убеждений (пусть даже иллюзорных и расплывчатых или ложных, подмененных успокоительными привычками, а тем более выношенных опытом жизни). А к этому мы уже прибавляем очевидное и гоголевским современникам понимание, что автор был слишком «известен» всем, и, как в таких случаях бывает и было, у большинства было свое представление о нем, его поприще и правильном направлении развития. Строго говоря, многоаспектность авторского высказывания в «Переписке с друзьями», трудно постигаемая и воспринимаемая сразу, совершенно естественным образом побуждает к выбору той или иной, насущной для читателя и потому «взятой» пред тем точки отсчета – доминантной темы (или ряда тем) и проблематики. И это совсем не обязательно – обозначенные автором книги темы, как показывает гоголевский опыт.

Известные сейчас толки до выхода книги и разные печатные и изустные мнения, высказанным по ее выходе, демонстрируют столь большое разнообразие мотивов как в отрицательных, так и в положительных оценках, что оно не поддается ни краткому, ни простому описанию произошедшего с читателями «прекновения» о книгу при одновременном игнорировании большинством факта ее принадлежности к литературе как таковой. Между тем потребность в обобщении читательской разногласицы и достижении полной ясности в понимании причин той или иной реакции публики проявилась уже в современных выходах «Выбранных мест...» предварительных аналитических выводах. Свербеев, например, разные мнения строил по шкале доверия религиозному чувству и убеждению Гоголя [2. С. 541–542]; А.О. Россет в письме к Гоголю от 12 марта 1847 г. охарактеризовал сословную психологию чтения в 1840-е гг., неподготовленность большинства к восприятию гоголевского

опыта сложных душевных переживаний и духовных поисков, особо выделив по этой части разночинцев [2. С. 541–542]; Вяземский в статье «Языков и Гоголь» подчеркнул «озадаченность» читателей и критиков резкой для них переменой авторского образа и, как следствие, эмоциональное «оборонительное противодействие», а также неумение уважать противоположные своим взгляды на жизнь (результат привычки к критике «холодной, суетной, человечески гордой и потому человечески шаткой и ограниченной» [9. С. 176]); Н.Я. Прокопович, отвечая 28 апреля того года на запрос Гоголя о читательских мнениях, писал о небывалом разнообразии толков о книге и, выделив три «категории, имеющие, в свою очередь, различные подразделения», указал, что в одной из них (приписывающих издание Гоголем писем расчету) «встречается более всего подразделений» и строятся самые невероятные «догадки» [10. С. 124].

Как видим, современники искали причину отторжения в недостатке разного рода наличного опыта читателей – религиозного, духовного, душевного, литературного и эстетического в целом. Характерны и определения общей реакции на книгу – недоумение, озадаченность, ошеломленность. Ясно, что мера необычности на этот раз, действительно, превысила рецептивные возможности очень многих современников. Эта логика многое объясняет, во всяком случае – дает верное, на наш взгляд, направление поискам причин реального разнообразия мнений в отношении к книге с открыто выраженным мировоззрением, мироощущением и самосознанием автора. Очевидно, что вопрос – кто оказался подготовлен к восприятию необычной книги, а кто нет – не имеет простого ответа, поскольку и среди не принявших книгу и ее автора, и среди принявших были люди разных поколений, убеждений, литературных пристрастий, люди с разным мировоззрением и отношением к Богу, вере, церкви.

Например, опыт жизни, накопленный с возрастом, должен был бы, как кажется, если не проявиться в солидарности с постановкой насущных для современности вопросов, то уберечь старшее поколение читателей, хотя бы с литературным и эстетическим багажом или хотя бы друзей, от поспешных и жестких высказываний о книге или хотя бы о самом Гоголе. Но нет. И среди старших, и среди близких по возрасту, и среди более молодых были те, кто вступил в печатной, эпистолярной или изустной форме в тяжбу с Гоголем и не удержался от оскорблений и/или личных обид (один из широко известных примеров – размежевание в семье Аксаковых). Совершенно по-разному восприняли книгу близкие по возрасту (чуть более 40 лет) А.О. Ишимова, Павлов, Никитенко, Шевырев, В.В. Львов (последний написал Гоголю такой отзыв, который оказался невежественным даже не принявшему «Выбранные места...» старику-Аксакову). К этому примыкает другое, подсказанное логикой, условие – опыт переживания душевного кризиса, но и он не обеспечил единодушия: Ишимова и Ап. Григорьев совершенно приняли книгу, а Ю.Ф. Самарин оказался в ряду тех читателей, которые восстали против назиданий или публичной «исповедальности», поскольку он

(как и многие – не утруждавшие, в отличие от него, свою душу глубокими переживаниями) посчитал ее «оскорбительной» за «отсутствием потребности сочувствия с публикой» [11. Т. 12. С. 190]³.

То же можно сказать и о религиозном опыте и разной степени воцерковленности первых читателей книги. И в этом случае в разнообразной читательской реакции на книгу вряд ли удастся обнаружить типологическую ясность: разная степень доверия (включая нулевую) Гоголю – его чувству Бога, слову о Нем, покайным признаниям и призывам к молитве – отразилась в отзывах и оценках и верующих, и неверующих мирян, и в оценках священнослужителей. При этом «невыносимую гордость» (Самарин), внушенную врагом рода человеческого (или «дьявольскую гордость», по С.Т. Аксакову), самообольщение или ханжество Гоголя обсуждали все, не принявшие книгу, но усматривали это в *разных проявлениях* автора. Упреки в болезненном и опасном мистицизме и/или в неправильном, подпорченном католицизмом или протестантизмом, православии тоже звучали, хотя и реже, с разных сторон и часто – от людей, не встававших вроде бы на путь сознательных поисков истинного христианства (Павлов, Белинский, к примеру). Так что в каждом практически случае недоверия слову и чувству Гоголя-христианина или, напротив, полного доверия и приятия встает вопрос о глубине и качестве собственного религиозного чувства читающего и о духовных поисках и запросах того или иного стихийного или опытного литературного критика «Выбранных мест...». Строго говоря, такая исследовательская установка и наблюдается – за пределами гоголеведения и за рамками обсуждаемой темы: в отношении ключевых или заметных фигур литературного процесса середины XIX в. (не говоря уже о многих последующих деятелях литературы, философах и богословах), давших оценку гоголевской книге, биографы и комментаторы новейшего времени рассматривают, по возможности, генезис и привходящие факторы занятой мыслителем позиции. Но таких фигур немного в общем объеме отозвавшихся современников, и немаловажно, какой в исследованиях о них предстает книга Гоголя.

В свое время В.А. Воропаев предложил следующее объяснение болезненного восприятия гоголевскими современниками «Выбранных мест...»: «Гоголь как бы нарушил законы жанра и в светском произведении заговорил о таких вопросах, которые исконно считались привилегией духовной прозы» [13. С. 42]. Это объяснение не охватывает всего разброса мнений в предметно-тематическом плане и ориентировано на восприятие только духовно-религиозного аспекта книги и соответствующего уровня ее жанровой оригинальности. Но в том, что этот ракурс (с проекцией на проповеднические жанры) стал для очень многих определяющим их ожидания, тревоги, а после – общую оценку, исследователь совершенно прав.

Это выразилось, однако, не только в разных претензиях к светскому автору «Переписки с друзьями», нарушившему границы допустимого в глазах читателей. Было как минимум двое, кому книга пришлось по душе и в этом, если не прежде всего в этом качестве. Плетнев писал Я.К. Гроту 27 ноября 1846 г.: «Гоголь –

трепетный жилец, вопиющий не о законах изящества, а о том, что благо, душеспасительно и неизбежно, да вопиющий не оратором, а как велел Христос поучать земнородных. Да, я чувствую, что с этой книги в Европе станут вести летоисчисление появления в мире русской литературы. До сих пор мы бродили около жизни, а он в нее врезался. <...> Тут до всего доходит речь, начиная с церкви до расходной по хозяйству книги. <...> Впрочем, тут все взято не свысока, а как оно есть перед глазами» [1. С. 860]. И с большей определенностью и непосредственностью именно о поднятых светским писателем вопросах духовного самоопределения писал родителем 18 января 1847 г. И.С. Аксаков (объясняя им свое, отличное от семейного, мнение и призывая взглянуть на автора книги непредвзято): «Забудьте, что это писал Гоголь, и признайте за каждым человеком вещать такое серьезное, опытом жизни запечатленное слово. Вы чувствуете, что Гоголь не лжет, не надувает вас, но истинно борется, возится и страждет, и искренно молится, и искренно умиляется при слове: молитва, Христос. Отчего же одному Филарету или Иннокентию можно писать проповеди, которыми всякий восхищается, но которым никто не верит, и никто не следует, потому что проповеди их – пустые слова, не приобретенные жизнью, не выстраданные, не выведенные как результат долгого душевного воспитания. Гоголь мне ближе. Он действует не *ex officio*, он в таком же был положении, как и я» [14. С. 344].

В положительном восприятии Плетневым и Иваном Аксаковым образа автора «Выбранных мест...» есть свои различия, но для нас важно совпадающее: положительная оценка жанра, а не личности с христианским мировоззрением. Можно сказать, что и 55-летний Плетнев, и 24-летний Аксаков отреагировали сообразно своему внутреннему запросу и предшествующим размышлениям в этом направлении, т.е. согласно предварительно сформированной позиции ожидания чего-то – не от Гоголя лично, а от литературы в целом. А можно назвать это определенной личной предвзятостью.

В этом плане показательным негативное мнение о книге Самарина. Дело в том, что исповедально-проповедническое начало в литературном высказывании светского писателя Самарин мог бы «непредвзято» оценить, опираясь на собственный опыт изучения проповеднического наследия Стефана Яворского и Феофана Прокоповича: тот и другой проповедник, по его выводу, «сближает», «приводит к согласию» догматическое и нравственное начало с опытом жизни, т.е. «действительное и идеальное, то, которое есть, и то, которое должно быть» [15. С. 20–22]. К тому же с 1844 г., когда состоялась защита его диссертации на эту тему и когда он обрадовался, что Гоголь «был ею доволен» [11. Т. 12. С. 146], Самарин был знаком с соответствующими настроениями и высказываниями Гоголя по письмам последнего к Смирновой, Языкову и Шевыреву, и никакого внутреннего отторжения не испытывал [11. Т. 12. С. 143], а к советам Гоголя о поиске и выборе собственного поприща отнесся с большим уважением, подчеркнув в письме к К. Аксакову (от 2 октября 1844 г.), что «он (Гоголь. – Е.П.) хорошо

знал, что нужно» [11. Т. 12. С. 147]. Напомним и об известном письме Самарина Гоголю (март 1846 г.) – «о чем душа болит», с исповедальным описанием своего нравственного пути, с размышлениями о христианстве («Одно религиозно нравственное мерило служит мне для проверки всякого моего поступка и всякой мысли» [11. Т. 12. С. 242]) и характеристикой «болезни» всего поколения («одностороннее развитие ума, погасившее чувство и подорвавшее волю: цельность нравственного бытия, согласие душевных сил и способностей нарушены во мне исключительным преобладанием быстро и уединенно развившейся мысли и усыплением других способностей» [11. Т. 12. С. 241]). «По логике мысли, казалось бы, – отметила еще в 1970 г. исследовательница самаринского наследия М.Т. Ефимова, – книга “Выбранные места из переписки с друзьями”, в которой для Гоголя важнее всего “дело души”, а “не литературная область”, должна бы больше всего отвечать исканиям самого Самарина. И он приступил к ее чтению благоговейно, “чтобы вписать каждое слово в душу”. Но книга не только не удовлетворила Самарина, но и оскорбила его» [12. С. 141].

Отчего собственно? По прочтении «Переписки с друзьями» Самарин писал в феврале 1847 г. К. Аксакову: «Не слышу я в нем (в Гоголе-авторе. – Е.П.) простой, безотчетной потребности поведать всем красоту святого, поделиться со всеми теплым чувством, ясною мыслью, ниспосланной Богом. Эта потребность – самое чистое и высокое побуждение художника; это – та же любовь в области искусства» [11. Т. 12. С. 190]. Ситуация парадоксальная: по какой-то причине доверие Самарина к Гоголю обернулось совершенным недоверием, а знание (не всем читателям доступное), что «Переписка с друзьями» не придумана, что это результат протяженного процесса и, по сути, «простой, безотчетной потребности поведать всем» своей опыт и что автор книги – тот же Гоголь, каким был, – обнулилось.

Чрезвычайно интересно, что о том же по смыслу, что и Самарин, но – с высокой и положительной оценкой авторской стратегии Гоголя писал отцу о «Выбранных местах...» Иван Аксаков: «Меня что радует? То, что он мирится и мирит искусство с религией, что он продолжает “Мертвые души”, что даже и здесь, с высоты чудного своего языка, прикасаясь к какому-нибудь предмету, он вдруг заговорит его языком, не брезгуя выражениями. Это меня радует. И какой высокий, чудный образ художника предстает перед глазами!» [14. С. 344]. Более того – именно такими словами, какими Самарин описал недостающее (недостигнутое) в книге, мы могли бы воспользоваться, чтобы охарактеризовать одну из авторских интенций Гоголя, как они сформулированы последним в «Авторской исповеди». Ждет своей трактовки еще одна неожиданная параллель к суждениям Самарина. В упомянутом письме к К. Аксакову он писал об оскорбительности для публики гоголевского «*публичного* покаяния» и «*публичной* исповеди» [11. Т. 12. С. 190]. А вот что писал в своем личном письме публицистического содержания Белинский, глубоко задетый за *живое*: «И при этом Вы позволили себе цинически грязно выражаться не только о других (это было бы только невежливо), но и о самом себе – это уже гадко, потому что если человек,

бьющий своего ближнего по щекам, возбуждает негодование, то человек, бьющий по щекам самого себя, возбуждает презрение. Нет! Вы только омрачены, а не просветлены; Вы не поняли ни духа, ни формы христианства нашего времени. Не истиной христианского учения, а болезненной боязнью смерти, черта и ада веет от Вашей книги» [16. Т. 10. С. 218]. Мнение – по внешним признакам солидарное с самаринским, но исходящее совершенно из другой, судя по всему, внутренней установки. Отметим, кстати, что в январской рецензии Белинский пенял Гоголю не за исповедальность, а за учительство и идеализм.

Существенно меньшее количество суждений и оценок вызвали этико-социальные идеи Гоголя и его «домострой» (по выражению А. Терца), и еще меньше – его литературно-критические и эстетические воззрения. Но и в этих вопросах читательские оценки и мнения отличались не только разнообразием, но и менялись в течение рассматриваемой ситуации 1846–1847 гг. (например, положительное мнение С. Аксакова о вышедшей летом 1846 г. статье «Об Одиссее» сменилось к декабрю отрицательным).

Итак, книга стала камнем преткновения (по точному выражению Свербеева) и, соответственно, событием собственной жизни почти для каждого, кто отождествлялся с ней, оценивая ее по слухам, фрагментарному ознакомлению, по результатам внимательного чтения и/или дополнительного обдумывания, и возбудила вопросы (по наблюдению Шевырева) – к автору, к жизни и к себе. И можно сказать, что каждый «преткнулся» о свое и по-своему – в ней и по ее поводу, почти все были задеты за *живое*. И факт вызванного «Выбранными местами...» живого переживания (будь это слезы умиления, гнев или что другое) той или иной проблематики современной жизни и литературы и/или собственной жизни был замечен самим Гоголем. Еще 15 апреля н. ст. 1847 г. он писал А.О. Россету, объясняя, зачем ему нужно «знать толки всех людей»: «Собственно не ради книги моей, но ради того, что в суждении о ней высказывается сам человек, произносящий суждение. Мне вдруг видится в этих суждениях, что такое он сам, на какой степени своего душевного образования или состояния стоит, как проста, добра или как невежественна или как развращена его природа. Книга моя в некотором отношении пробный оселок, и поверьте, что ни на какой другой книге вы не пощупали бы в нынешнее время так удовлетворительно, что такое нынешний русский человек, как на этой» [7. Т. 13. С. 279]. А в начале «Авторской исповеди» он писал, что «не было двух человек, совершенно сходных между собою в мыслях, когда только доходило дело до разбора книги по частям, что весьма справедливо дало заметить некоторым, что в суждениях своих о моей книге всякий выражал более самого себя, чем меня и мою книгу» [7. Т. 8. С. 434].

Справедливость гоголевских оценок читательского шума вокруг и по поводу книги совершенно подтверждается изучением обширного корпуса только обнародованных документальных данных, хотя до сих пор сомнения в этом встречаются в гоголеведении. Тем большую актуальность получает подробный анализ, не подгоняющий многообразие фактов той или иной типологической схеме.

Примечания

¹ Это известно из дневниковой записи Е.И. Поповой за 20 января 1847 г.: «Она (Свербеева. – Е.И.) прочла мне свое письмо к Гоголю; оно писано от любящей и верующей души, и потому прекрасно. <...> Дмитрий Николаевич <Свербеев> читал также мне два свои произведения: письмо к С.Т. Аксакову о Гоголе и письмо к дворянскому предводителю <...>. Слог и того и другого письма совершенно русской и потому приятен русскому уху, но письмо против Гоголя невыносимо: Катерина Александровна сказала, что оно ей не нравится, и мне также не понравилось. Я угадала ее чувства и вполне согласна с нею» [3. С. 13–14].

² Ср.: «Предвзятый» означает: «основанный на предубеждении, сложившийся заранее, до ознакомления с сущностью чего-нибудь, являющийся плодом какого-нибудь предрасположения» [8. С. 535].

³ Сопоставление мнений о «Переписке с друзьями» Самарина и Ап. Григорьева как молодых людей, переживающих «глубокий душевный кризис» см.: [12. С. 142–143].

Список источников

1. Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым : в 3 т. СПб. : Тип. Министерства Путей Сообщения, 1896. Т. 2. 968 с.
2. Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя. М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1897. Т. 4. 978 с.
3. Дневник Елизаветы Ивановны Поповой. 1847–1852. СПб. : Огни, 1911. 284 с.
4. Литературное наследство. Т. 58. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М. : Наука, 1952. 1060 с.
5. Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 302 с. (Серия «Литературные Памятники»).
6. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина : в 22 т. М. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1894. Т. 8. 629 с.
7. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений : в 14 т. <Б.м.> Изд-во АН СССР, 1937–1952.
8. Виноградов В.В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. М. : ИРЯ РАН, 1999. 1138 с.
9. Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М. : Искусство, 1984. 463 с.
10. Переписка Н.В. Гоголя : в 2 т. М. : Худож. лит., 1988. Т. 1. 479 с.
11. Самарин Ю.Ф. Сочинения : в 12 т. М. : Д. Самарин, 1877–1911.
12. Ефимова М.Т. Ю. Самарин о Гоголе // Пушкин и его современники. Псков : ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1970. С. 135–147.
13. Воропаев В.А. Духом схирик сокрушенный... Жизнь и творчество Н.В. Гоголя в свете Православия. М. : Московский рабочий, 1994. 159 с.
14. Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849 гг. М. : Наука, 1988. 724 с. (Серия «Литературные Памятники»).
15. Самарин Ю.Ф. Стефан Яворский и Феодан Прокопович как проповедники. М. : В Универ. тип., 1844. 230 с.
16. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Изд-во АН СССР, 1953–1959.

References

1. Grot, K.Ya. (ed.) (1896) *Perepiska Ya.K. Grot s P.A. Pletnevym* : v 3 t. [Correspondence of Ya.K. Grot with P.A. Pletnev: in 3 vols]. Vol. 2. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva Putei Soobshcheniya.
2. Shenrok, V.I. (1897) *Materialy dlya biografii Gogolya* [Materials for the Biography of Gogol]. Vol. 4. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova.
3. Popova, E.I. (1911) *Dnevnik Elizavety Ivanovny Popovoy. 1847–1852* [Diary of Elizaveta Ivanovna Popova. 1847–1852]. Saint Petersburg: Ognii.
4. (1952) *Literaturnoe nasledstvo. T. 58. Pushkin. Lermontov. Gogol* [Literary Heritage. Vol. 58. Pushkin. Lermontov. Gogol]. Moscow: Nauka.
5. Aksakov, S.T. (1960) *Istoriya moyego znkomstva s Gogolem* [The History of My Acquaintance with Gogol]. Moscow: USSR AS.
6. Barsukov, N.P. (1894) *Zhizn i trudy M.P. Pogodina* : v 22 t. [The Life and Works of M.P. Pogodin: in 22 vols]. Vol. 8. Moscow: Tipografiya M.M. Stasyulevicha.
7. Gogol, N.V. (1937–1952) *Polnoe sobranie sochineniy* : v 14 t. [Complete Collected Works: in 14 vols]. Moscow: USSR AS.
8. Vinogradov, V.V. (1999) *Istoriya slov: okolo 1500 slov i vyrazheniy i bolee 5000 slov, s nimi svyazannykh* [History of Words: About 1500 Words and Expressions and More Than 5000 Words Connected with Them]. Moscow: IRL, RAS.
9. Vyazemsky, P.A. (1984) *Estetika i literaturnaya kritika* [Aesthetics and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo.
10. Khudozhestvennaya literatura. (1988) *Perepiska N.V. Gogolya* : v 2 t. [Correspondence of N.V. Gogol: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
11. Samarin, Yu.F. (1877–1911) *Sochineniya* : v 12 t. [Works: in 12 vols]. Moscow: D. Samarin.
12. Efimova, M.T. (1970) Yu. Samarin o Gogole [Yu. Samarin on Gogol]. In: *Pushkin i ego sovremenniki* [Pushkin and His Contemporaries]. Pskov: LSPI. pp. 135–147.
13. Voropaev, V.A. (1994) *Dukhom skhimnik sokrushenny... Zhizn i tvorchestvo N.V. Gogolya v svete Pravoslaviya* [In Spirit a Humbled Monk... The Life and Work of N.V. Gogol in the Light of Orthodoxy]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
14. Aksakov, I.S. (1988) *Pisma k rodnym. 1844–1849 gg.* [Letters to Relatives. 1844–1849]. Moscow: Nauka.
15. Samarin, Yu.F. (1844) *Stefan Yavorsky i Feofan Prokopovich kak propovedniki* [Stefan Yavorsky and Feofan Prokopovich as Preachers]. Moscow: V Universitetskoy tipografii.
16. Belinsky, V.G. (1953–1959) *Polnoe sobranie sochineniy* : v 13 t. [Complete Collected Works: in 13 vols]. Moscow: USSR AS.

Информация об авторе:

Падерина Е.Г. – д-р. филол. наук, ведущий научный сотрудник Отдела русской классической литературы Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: kbogan@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.G. Paderina, Dr. Sci. (Philology), leading research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: kbogan@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.02.2025;
одобрена после рецензирования 23.04.2025; принята к публикации 31.07.2025.

The article was submitted 28.02.2025;
approved after reviewing 23.04.2025; accepted for publication 31.07.2025.